

УДК 321 (575.2) (04)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

А.Д. Дононбаев

Дается развернутая характеристика национальных интересов как реального фактора, влияющего на современную систему международных отношений. Рассматривается расширение и действительный показатель национальных интересов (методологический и методический аспекты).

Ключевые слова: национальные интересы; международные отношения; национальное государство; Левиафан.

Методологически обоснованный исследовательский анализ и методически четко выверенное изложение темы “Национальные интересы в международных отношениях” – двуединый процесс научного освоения одной из сложнейших проблем современной теории международных отношений. Представляется методически правильным чтение данной темы в студенческой аудитории после рассмотрения вопроса о роли национального государства в истории международных отношений. В основу данного текста положен разносторонний материал, изложенный в современной научной и учебной литературе [1–15].

Понятие “национальный интерес” (“национальные интересы”) известно с глубокой древности. Это понятие было знакомо еще Фукидиду, который видел в нем основу взаимоотношений античных городов-государств, в частности Афин и Спарты, а также поведения их союзников. В наши дни концепции национальной безопасности государств содержат обязательные ссылки на “национальные интересы” как на основу и исходный принцип выявления главных угроз суверенитету и территориальной целостности, определения приоритетов внешней политики, выработки оборонительной стратегии и экономического процветания.

И все же использование этого понятия оставляет место для дискуссий. Во-первых, оно предполагает, что, вопреки вульгарным представлениям, в политике опора на “национальный интерес” вовсе не равнозначна стремлению к циничному использованию силы, коварства и вероломства. Правильно понятый “национальный интерес” подразумевает признание права на существование, а также обязательное

принятие во внимание и уважение интересов всех взаимодействующих сторон. Во-вторых, в теоретическом контексте ни одна из ныне существующих политико-мировоззренческих парадигм не обладает монополией на исследуемое понятие. Не следует забывать и другое: при всем нынешнем несовершенстве, наука о международных отношениях обязана своим статусом самостоятельной области знания именно тем теоретическим концепциям, которые сделали “национальный интерес” исходным пунктом всего своего анализа. Основные положения данного анализа таковы:

1. Национальный интерес – объективная данность. Он основан на своеобразии географического положения государства и вытекающих из этого особенностей его экономического, политического и культурного развития, с одной стороны, а также на особенностях человеческой природы – с другой. Поэтому “национальный интерес” представляет собой стабильную основу международной политики государства. Геополитическое положение государства и его окружения, природа тех угроз и вызовов, которым оно противостоит, так же, как и социокультурные традиции его населения и структурные особенности его внешней торговли, не меняются каждый день и поэтому не зависят от произвола или субъективных предпочтений “государей”.

С точки зрения Г. Моргантау, “национальный интерес” содержит два основных элемента: центральный (постоянный) и второстепенный (изменчивый). Второстепенный элемент представляет собой не что иное, как конкретную форму, которую коренной “национальный интерес” принимает в пространстве и времени. Центральный интерес состоит из трех факторов: природы интереса, который должен быть

защищен, политического окружения, в котором действует интерес, и рациональной необходимости, ограничивающей выбор целей и средств.

2. “Национальный интерес” вполне поддается рациональному осмыслению государственных деятелей. Последние обязаны исходить из того, что хорошая политика – это рациональная политика, опирающаяся на правильно понятый “национальный интерес”. Рациональный подход очерчивает рамки возможного в политике, указывает на препятствия объективного характера, которые не позволяют навязать сопротивляющейся реальности ту или иную умозрительную схему, сколь бы привлекательной она ни была. Любые попытки устранить эти препятствия, продиктованы ли они заботой о практических результатах, стремлением ли к надежному предвидению или к преодолению неопределенности политики, обречены на неминуемый провал, поскольку исходят из того, что желательно, вместо осознания того, что возможно. Более того, подобные попытки не только утопичны, но и опасны, поскольку зачастую они основываются на моральных или идеологических предпочтениях.

3. Хотя суть политики состоит в стремлении к утверждению моральных ценностей посредством власти, это не означает, будто политик может претендовать на знание того, что является морально обусловленным для “государства” в той или иной конкретной ситуации. Вытекающее из подобных претензий «беспечное предположение, что носителем и выразителем морального блага является какая-то одна нация, а исповедующей зло – другая, несостоятельно не только морально, но и интеллектуально. Моральная политика исходит из необходимости согласования и компромиссов в защите “национальных интересов” государств на международной арене, из стремления к достижению “всеобщих интересов”, что несовместимо с соперничеством политических идеологий».

4. “Национальный интерес” кардинально отличается от “общественного интереса”. Если первый существует в условиях анархической международной среды, то второй связан с системой законов, регулирующих внутрисоциальную политику. Иначе говоря, в отличие от “общественного интереса”, понятие “национальный интерес” относится к сфере внешней политики государства. Следует обратить внимание, что сторонники строгого понимания категории

“национальный интерес” как в теории, так и в политической практике неизменно придерживаются этого разделения.

Обсуждение в современной науке в течение последних 10 лет понятия “национальный интерес” выявило существенные различия в его понимании. Основной водораздел в дискуссии проходит уже не столько между “объективистами” и “субъективистами” (хотя эта линия достаточно отчетлива), сколько между сторонниками реалистских и либерально-идеалистических подходов. Представители реализма считают, что “национальный интерес остается базовой категорией всех без исключения государств мира. И пренебрегать им было бы не просто ошибочно, но и крайне опасно”. Национальный интерес, с их точки зрения, «не сводится к “совокупности интересов граждан”, поскольку, кроме результирующей этой совокупности интересов, учитывает множество объективных социально-экономических, геополитических и иных факторов. Национальные интересы формируются под воздействием мировых экономических процессов, политики других государств и т.д.».

В дискуссиях исследователей стран СНГ о национальном интересе есть и существенные отличия от дискуссий в западном академическом сообществе. Первое отличие касается трактовки термина “национальный” как этнический. В этой связи высказывается сомнение в применимости понятия “национальный интерес” к многоэтническим государствам СНГ вообще, и к Кыргызстану в частности. Исходя из этого, некоторые авторы предлагают говорить не о национальных, а о “государственных” интересах, противопоставляя их друг другу. Вторая группа исследователей, напротив, стремится примирить этническое и государственное и высказывается за термин “национально-государственные интересы”. Наконец, есть авторы, которые исходят из понимания нации как политического субъекта и придерживаются той точки зрения, что, «обсуждая концепт “национального интереса”, прежде всего надо отрешиться от ассоциаций с “национальностью-этничностью...».

Среди сторонников последней точки зрения тоже нет единства относительно того, что понимать под “нацией” – “двуединство суверенного территориального государства и гражданского общества” или же “некое предполагаемое единство населения территориального государства с объемлющими соответствующую

территорию интегративными властными структурами”. Отличия этих двух позиций, на первый взгляд, незначительны. Однако следует учитывать, что, с одной стороны, существует несовпадение и неизменное напряжение между гражданским обществом и государством, а с другой – неодинаковая степень развитости гражданского общества в той или иной стране. Поэтому многое в понимании “национального интереса” зависит как от уровня противоречия между двумя компонентами нации-государства, так и от того, какое место в его структуре занимает гражданское общество. Поскольку “в России интерес государства всегда был самодовлеющий по отношению к интересам общества”, то «говорить о национальных интересах России в связи с этим, – по мнению некоторых представителей либеральных подходов, – представляется некорректным по самой простой причине: нет “нации” – не может быть и “национальных интересов”». Иначе говоря, авторы настаивают на том, что вначале создается гражданское общество в качестве формообразующей основы, на которой возникает нация, и только после этого формируется национальный интерес.

Наконец, еще одно существенное отличие, характеризующее научные представления ученых стран СНГ о содержании понятия “национальный интерес”, состоит в том, что оно, за редким исключением, не отграничивается от понятия “общественный интерес” (или “общественные интересы”). В результате появляется необходимость в дополнительных формулировках, таких, как, например: “внешний аспект национальных интересов”, “национальные интересы в их внешнеполитическом измерении”. Сделаем некоторые выводы.

Первое. Попытки “отменить” значение “национального интереса” как аналитического инструмента и критерия внешней политики государства являются слишком поспешными и безосновательными. Эти попытки не отражают состояния исследований по данной проблеме в научной литературе в целом: критикуя понятие “национальный интерес”, ни реалисты, ни либералы, как правило, не склонны абсолютно отрицать его пользу. Например, Р. Арон считает, что гражданам оно помогает осознать свою принадлежность к единой политической общности, а правителям, независимо от идеологии, которой они могут быть привержены, оно напоминает, что их главными целями являются безопасность и величие государства. Так или иначе “национальный интерес” продолжает

оставаться в центре внимания как теории, так и практики международных отношений, являясь “существенной предпосылкой убедительного объяснения поведения государств и результатов их взаимодействия”.

Второе. Отрицая значимость “национального интереса”, российские либералы идут значительно дальше западных. Противопоставляя государство и общество, властные политические структуры и нацию, державность и демократию, интегративные и солидарные функции “Левиафана” потребностям развития и независимости индивида, они склонны в, лучшем случае, согласиться с правомерностью категории “национальный интерес” в применении к западным странам. Что касается современных стран СНГ, то груз государственных и авторитарных традиций и все еще отсутствующее гражданское общество, по их мнению, делают данную категорию не только неприменимой, но и опасной для становления демократии.

Историческое прошлое стран СНГ и тенденции к авторитаризму в их новейшей истории дают определенные основания для подобных рассуждений. Вместе с тем ни то, ни другое не является исключительно “национальным достоянием” стран СНГ, так же, как не является исключительно нашей особенностью противоречие между нацией и государством, властью и гражданским обществом, правами индивида и солидарными функциями политических структур. Важно, что указанное противоречие носит (в том числе и в России) не взаимно исключительный, а взаимно предполагающий характер. Поэтому противопоставление названных выше понятий и их содержания неправомерно в теоретическом и рискованно в политическом плане.

Как верно отмечает М.А. Молчанов, “Безгосударственное гражданское общество пока никто не обнаружил, а общие интересы граждан столь же реальны, сколь их индивидуальные, групповые (потенциально конфликтные) интересы...”. Он справедливо подчеркивает и «тот факт, что данное общество, гражданское или нет, отвечает на прогрессирующее ослабление и самоизоляцию власти узурпацией функции последней. А это, в свою очередь, ведет к разрушению последних скреп социальной солидарности и – в перспективе – к торжеству “нередуцируемого плюрализма” борьбы одиночек на правах сильного».

Третье. Строгое понимание “национального интереса” не предполагает его ассоцииро-

вания с “национальностью”, т.е. с этническим фактором. Так же, как и категория нации, понятие “национальный интерес” отражает, прежде всего, единство политических структур и гражданского общества (не игнорируя, впрочем, присущих ему противоречий) и не сводится к этнической составляющей, имеющей в данном случае второстепенное значение.

Четвертое. отождествление “национального интереса” с общественным интересом столь же неправомерно, как и их противопоставление. отождествление ведет к отрицанию специфики внешней политики, ее относительной самостоятельности и в конечном счете сводит ее к внутренней политике государства. Противопоставление ведет к абсолютизации несовпадения интересов государства и гражданского общества. Например, в конституционной системе США определение национальных интересов входит в обязанности президента, который опирается в этом на согласие сената и консультации с ним, а также на финансовую поддержку того же сената и палаты представителей. В вопросах, связанных с общественными интересами, полномочия между президентом, конгрессом и судебными органами распределяются более равномерно.

Как уже отмечалось, западные авторы разделяют национальные интересы и общественные, связывая первые с международным окружением, а вторые – с особенностями внутренней ситуации в стране (в политической, экономической, социальной и других сферах). Поэтому с позиции западной теории международных отношений такие формулировки, как “внешнеполитический аспект национальных интересов”, тавтологичны и способны скрыть существо вопроса. Действительно, отождествление указанных понятий может привести к тому, что “национальный интерес” либо редуцируется к “общественному интересу” (и, соответственно, внешняя политика – к внутренней), либо отрывается от государственного, представляя возможность оценивать внешнеполитические цели властных структур и потребности этнических групп, а также интересы личности как противоположные.

Учитывая сказанное выше, необходимо также иметь в виду два обстоятельства.

Одно из них – это то, что общественные и национальные интересы не исключают друг друга. общественные интересы испытывают на себе влияние международной обстановки (особенно сильное в периоды ее обострения). А национальные интересы зависят от экономи-

ческой ситуации, социальной и политической стабильности и морального климата в стране. Не случайно раздел Стратегии национальной безопасности США, посвященный национальным интересам, включает подраздел “Растущие угрозы у нас в стране”, содержащий программу борьбы с терроризмом и защиту внутренних инфраструктур.

Второе обстоятельство состоит в том, что в странах, переживающих переходный период своего развития, наблюдается не только усиление взаимовлияния общественных и национальных интересов, но и рост приоритета первых перед вторыми. Именно такая ситуация характерна сегодня для государств бывшего СССР. Внутриполитические национальные интересы требуют всемерной концентрации на главной задаче – возрождении государства, экономики, благосостояния народа. Внешняя же политика должна быть полностью подчинена этой задаче – и философски, и концептуально, и оперативно. Иначе говоря, во взаимодействии национальных и общественных интересов приоритетными становятся вторые. В то же время национальные интересы характеризуются сегодня более сложной структурой и связано это с необходимостью ответа на новые внутренние и внешние вызовы. Впрочем, усложнение структуры национальных интересов касается не только стран СНГ, но всех современных государств.

Литература

1. Межуев Б.В. Понятие “национальный интерес” в российской общественно-политической мысли // Политические исследования. – 1997. – № 1.
2. Арбатов А. Национальная идея и национальная безопасность // Мировая экономика и международные отношения. – 1998. – № 5–6.
3. Кортунов С.В. “Имперское” и национальное в российском сознании // Международная жизнь. – 1998. – № 5–6.
4. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. – М., 1999.
5. Межуев Б.В. Моделирование понятия “национальный интерес”. На примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX в. // Политические исследования. – 1999. – № 1.
6. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. // www.ng.ru. – 2000, 14 янв.
7. Молчанов М.А. Дискуссионные аспекты проблемы “национальный интерес” // Политические исследования. – 2000. – № 1.

Международные отношения и политология

8. Национальный интерес versus государственный интерес: теоретические понятия и политическая реальность. Круглый стол // Политические исследования. – 2000. – № 1.
9. Global Engagement. Cooperation and Security in the XXI century. – Washington: The Brooking Institution, 1994.
10. *Strange S.* The State of the State // The Retreat of the State. The Diffusion of Power in the World Economy. – Cambridge, 1996.
11. *Castells M.* Identities, Local Governments and Deconstruction of the Nation-State // Power of Identity. – Blackwell, 1997.
12. *Yarger R.H., Barber G.F.* The United States Army War College Methodology for Determining Interests and Levels of intensity. Carlisle Barraks, 1997.
13. *Keohane R.O.* Sovereignty in International Society // The Global Transformations Reader: An Introduction to the Globalization Debate. Polity Press, 2000.
14. *Clinton W.* A National Security Strategy for a New Century. – Washington DC: The White House, 1998, October.
15. *Steinbruner J.* Principles of Global Security. – Washington, 2000. – Ch. 6.